

The background of the cover is a photograph of a rose bush in the foreground with several large, light pink roses in bloom. In the background, a light-colored wall is covered in the long, dark shadows of a man and a woman standing close together. The lighting is warm and golden, suggesting late afternoon or early morning. The title 'Цветы' is written in a large, white, elegant serif font across the middle of the image.

Цветы

— К. ШМЕЛЬ —

18+

К. Шмель

Цветы

<https://litres.ru/74566093>

SelfPub; 2026

Аннотация

Гертруда привыкла жить так, как от неё ждут другие. Но однажды в её жизни появляется человек, рядом с которым привычный мир начинает меняться.

Любовь, семья, тайны прошлого и неожиданные встречи заставляют Гертруду впервые задуматься: можно ли построить свою жизнь, если всё время бояться сделать неправильный выбор?

Пока вокруг неё рушатся старые отношения и возникают новые, Гертруде предстоит понять, что любовь — это не всегда тот человек, за которого мы готовы держаться до последнего.

Иногда, чтобы найти своё место рядом с другим, сначала нужно перестать бояться быть собой.

Содержание

Цветы	4
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	25
Глава 5	34
Глава 6	39
Глава 7	45
Глава 8	51
Глава 9	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

К. Шмель

Цветы

Цветы

Цветы не так беспомощны, как кажутся со стороны. Они не нуждаются в саморазвитии; им не нужен садовник, который будет нести тепло и свет своими словами и руками для них; они не жаждут внимания и трепетности к себе. Пускай невинный бутон не смущает вас своей нежностью. Он может быть еще не раскрыт и не излучать аромат на полную, но от самого зарождения и до смерти будет нести любовь. Внутренний свет – это то, что дает ему силу и без света все верно пойдет на гибель. Развиваясь сами по себе, словно цветы в диком саду, излучая свет, даря миру любовь, рассеивая тьму нечто хрупкое со стороны обретает собственное величие творить.

Глава 1

Гертруде с малых лет пытались внушить, но совершенно не специально, мысль о том, что она некий цветок, которому необходимы заботливые руки садовника. Сама девочка росла в полной самодостаточности со своим миром внутренним, внешним миром людей и миром событий вокруг. До тех пор, пока ее родители не решили, что пора готовиться к замужеству. Представим, что в их мире это было семнадцать лет (возраст, когда девочке из семьи подобной её начинали искать жениха). Сложно представить как в ее мозгу можно уложить понятие «необходимости выходить замуж». Не отходя от темы представлений, вообразим еще и то, что девочкам их мира давалось обучение специальное, то есть отличное от мальчиков по восприятию (они изучали: пение, музыку, рисование, вышивание, домоводство, немного экономики и истории, а кротость входила бонусом в идеальном для мужчине мире) – все это нам с вами представить не сложно, гораздо сложнее увидеть мужчину и женщину в равных категориях (не физических, конечно, а жизнь имеющих). Но вот самой Гертруде не было сложности представить, хотя какое представить, она и не ощущала себя не равной с кем бы то ни было начиная от капли дождя и заканчивая человеком. С малых лет Гертруда ощущала себя единым потоком со всем

существующим и родился она в хлеву удивлялась бы человеческим замашкам куда меньше, нежели от образованного общества. Она, конечно как и все мы, нуждалась в заботливых наставлениях и любви, растекающейся по всему существованию ее и близ находящихся, вот только человеком, который все это мог ей дать являлась она сама. Все, что неминуемо будет приходить в ее жизнь в сказанных словах, в посылках любви и ненависти, в доброте, заботе и ласке – опыт зеркально получаемый ею от других.

Гертруда чувствовала: в этом мире руководитель жизни – она. Правда порой, испытываемые нами чувства прячутся за ширму общепринятых норм и чем старше мы становимся, тем сложнее это распознать. Единственное в чем заручилась себе наша героиня всегда слушать тот еле уловимый, но самый важный голос - голос души, не поддаваться ничьему мнению, даже мнению собственного разума.

Сейчас, в тишине своих помыслов, она медленно приподнимается на кровати. Плотно задвинутые шторы создавали в комнате мрак и лишь одна маленькая полоска света крадется в темноте, дабы донести хозяйке, что уже светает. Ее движения замедленны, идя на ощупь этой полоски, хватает и... поймала. Смотрит в окно, впереди нескончаемый луг, перетекающий в лес, над лесом восходит солнце. Его лучи аккуратно трогают кроны деревьев, пробираясь в комнату маленькой наблюдательницы утреннего волшебства, не каждый готов жертвовать манящим сном ради утра. Гертруда оборо-

чивается, она видит как на стене появляется желтовато-оранжевый узор первого луча – она испытывает единство с этим лучом, что непроизвольно улыбается ему и чуть слышно говорит:

- Доброе утро, Луч!

Он отвечает ей так же тихо, отдаленным веселым эхом:

- Доброе утро, Труди! Не лентяйничай, иди погуляй по росе пока весь дом спит. Только утром ты можешь ощутить это чувство свободы...

- Тише-, шипит она в ответ,- Я знаю-, чуть хихикнув, Гертруда закрыла рот рукой,- Не сегодня, дорогой!

- Сегодня!-, чуть слышно отвечает Луч.

- Сегодня? Ты думаешь?

- Да-, еще тише доносится эхо.

- Сегодня...-, повторяет Гертруда,- Но как я пойму?-, Луч медленно исчезает.

В коридоре слышится шорох. Это маленькие каблучки гувернантки Изабеллы. Гертруда выпрямляется в тонкую ось, быстро прикрывает шторы и шлепая босыми ногами по полу бежит обратно в кровать:

- Сегодня я так быстро не встану, дорогой!-, причитает она по пути.

Дверь отворилась и семенящие шажки гувернантки Изабеллы ступили на порог. Убедившись, что Гертруда спит, она закрыла дверь так и не заметив маленького, хитренького Луча на полу.

Гертруда давно знала о романе Беллы с шофером папы и ей это очень нравилось: бывало она случайно подлавливала их и затаившись наблюдала за руками, взглядами, улыбками, которыми они одаривали друг друга, в эти моменты Гертруда ощущала чистоту их намерений и видела слегка уловимый обычному глазу и очень ощутимый внутреннему зрению свет, рождающийся между влюбленными. Зная невоспитанность своих действий она не позволяла долго наблюдать за ними, но пары минут ей хватало для вынесения собственного вердикта: *«Когда-то и в мою жизнь войдет это чувство доступное любящим, может оно будет другим, а может я стану лишь его наблюдателем».*

И все было именно так: Белла, как и прошлые ночи, гуляла с возлюбленным, а под утро, возвращаясь всегда заглядывала в комнату Гертруды, дабы удостовериться, что та спит. Гертруда тем временем тихо сопела и вновь засыпала. Ей было приятно проснуться рано утром, встретить свой Луч рассвета, перекинуться с ним напутствиями на предстоящий день, словно, предсказывая, что будет, а иногда и пройти по полю, но последнее время это практически невозможно из-за частых свиданий Беллы. Засыпая Труды повторяла только одно, сама не понимая почему: *«Приснись, приснись...».* Она ждала особенный сон, который никак к ней не приходил.

«Удивительно! Как можно всматриваться в свое отражение и не верить, что это и есть ты?! Сегодня мне сем-

надцать. Все полагают, что я уже взрослая. Из маленькой мисс – обернулась во взрослую! Вдруг!,- Труди наивно улыбнулась, а после и рассмеялась всласть, отвечая на свою наивную улыбку,- И это за одну ночь. Вчера мне еще было шестнадцать, что изменили эти несколько часов сна до дня рождения, когда я появилась на свет. В роли Труди. В роли этого отражения. Это же обыкновенная роль. Как ещё можно это назвать?! Сколько осталось быть тут этому тельцу, что смотрит на меня в меня. Может быть год, может десять, а может и все шестьдесят оно будет тут жить. Выйдет замуж, нарожает детей, а потом умрет, как и всё преходящее в жизнь. И для всех, проходящих мимо людей, это тельце будет Труди,- она вновь усмехнулась,- Нет, только для одного, того, который посмотрит внутрь, а может это вовсе не я, а лишь жалкая пародия и я сама...не знаю, что говорю, сама себя не знаю,- Труди тяжело вздохнула и завершила прическу, на её голове получилось что-то похожее на два колоса, собранные косички с двух сторон были соединены на затылке,- Может кто-то один и сможет меня разгадать или подсказать, для него пусть буду Труди и для папы, а вот всем остальным величавое Гертруда! Тельце – ну и слово же...»

-Те-лице», стала повторять она вслух,- Тельце, тельце, тельце....-, Труди громко засмеялась, настолько рассмешило её постоянное повторение одного и того же слова.

-Маленькая мисс,- входя в комнату тихо произнесла Иза-

Белла. Для своей гувернантки Гертруда так и осталась маленькой мисс, как и для самой Гертруды она осталась Беллой, а не Изабеллой,-Что же смешит вас так? Боюсь вашей матушке будет не по нраву такой заводной смех,- Белла усмехнулась. Все в доме понимали, что матери Гертруды многое не по нраву, кроме Ганса, старшего брата Гертруды.

-Белла, ты только послушай,- и она снова запела: «тельце, тельце, тельце», пока это слово не превратилось в одни лишь звуки, повалившись со стула на пол, Труди громко смеялась, хватаясь руками за лицо. Белла наклонилась к ней, улыбаясь и сдерживая смех, чтобы поднять девочку,-Белла, ты понимаешь о чём я? Повторяй слово пока оно не потеряет свою важность, получают только звуки ц-ц-ц-ц-ц....А затем и звука нет!,- она застыла, но лишь на едва ощутимый миг.

- Мисс, вставайте, ваша мама сделает мне выговор за такое поведение, затем будет отчитывать вас и чего мы только выслушаем,- Белла была не сильно старше Гертруды, не сильно это лет на пятнадцать и появилась в доме она когда девочке исполнилось три, Гертруда не знала ничего о прошлом Беллы, ее жизнь слилась с жизнью девочки и «маленькая мисс» никогда не задавала вопросов, к слову...их еще не было к тому моменту, но Гертруда чувствовала невообразимое тепло к ней и всегда поражалась как стопорно Белла боялась хозяйку дома и как по-старчески умела причитать свои опасения.

-Она ничего нам не сделает,- холодно произнесла она, рез-

ко выпрямившись села за трюмо,- Кажется, у меня получилась великолепная прическа,- уже без смеха произнесла она, поправляя свои неровные, но от того еще более красивые косы.

-Нет, мисс, нужно переделывать. Теперь вы взрослая. Почти. И вам подобает носить другие прически, собранные. Так хочет ваша мама,- гувернантка распустила косы, Гертруда погрузилась в мысли своего отражения, понимая, что против материнских желаний у нее нет сил идти даже при всей своей бойкости.

«Теперь взрослая! Какая глупость. Мое тело взрослое, а я? Я вырастаю с телом? Это все лишь бутафория. Цифра дает возраст. Оболочка, чтобы тут быть. Мой маленький Лучик - будь у него тело - его бы все замечали, а не только я. А так он просто луч и никто не додумается, что он настоящий, что он живой и у него мысли, также, как у любого человека, возмнившего себя умнее, а что вообще есть ум? Неужели, для полного здесь существования у меня должно быть тело, которое вырастет или стареет?! Все оценивают меня только по тому сколько мне лет, как я выгляжу или в какой я родилась семье. Мир настолько узок? Или возможно это его путь к воспитанию и становлению. Как маленькое дитя, появившееся на свет нуждается в уроках жизни, так и мир, маленьким дитем проходит уроки?....Но даже я уже начинаю проводить эту глупую параллель. И все таки этот вопрос – зачем мы тут и кто мы тут – меня

очень интересует... Можно ли сказать, что весь этот мир – это только я?».

Белла распустила косы, вновь расчесав волосы Гертруды она искоса наблюдала за ней в отражении зеркала и удивлялась каждый раз: *«как в такой маленькой головке помещается столько мыслей, бунта, слов, идей»*, половину ее волос она оставила свободными, мягко разложив их по спине и плечам; другую же половину собрала в небольшой пучок на макушке, позволив себе допустить торчащие завитки. Белла знала, что мама Гертруды желала видеть полностью собранные волосы, но ей и самой не хотелось так делать, поэтому по сути она сделала прическу Гертруды еще хуже чем было, уж больно ей хотелось оставить Гертруду Гертрудой.

-Так понравится родителям?,- тихо спросила Труды.

-Думаю, это годно, особенно вашу маму удовлетворит такой вид взрослой мисс!,- последние слова Белла произнесла с некоторой задумчивостью и улыбнулась отражению Гертруды.

-Прошу тебя, Белла,- Труды присев на колени схватила свою гувернантку за руки,- Какой бы я далее не стала, никогда не называй меня взрослой мисс. Для меня это подобно оскорблению, Белла. Пусть я навсегда останусь для тебя маленькой

-Моя дорогая,- как всегда нежно произносила эти слова Белла,- От чего так бояться? Все это закономерно. Это процесс эволюции. Страшно вылупляться из привычного, боль-

но, а может и не чувствуешь ничего, затем все-таки наступает момент и приходит некоторое осознание того, что теперь ты не сможешь делать вещи, подобные тем, что делал в беззаботное время или правильнее сказать привычное. Но не стоит бояться взросления, на все есть свой этап жизни,- с некоторым смирением произнесла Белла.

-Да, да..., Белла, ты верно все говоришь...наступает время...и мы становимся старше,- она взглянула в окно, яркие зеленые краски наполняли ее сердце и слова полились сами собой,- Как же хочется оставить время, застыть в этом моменте и быть здесь с собой в комфорте. Часто я мечтаю о том, как было бы хорошо почти прозрачной тенью лететь по небу, созерцая и наблюдая этот сон,- Гертруда замолчала,- сон...,- повторила она уже чуть слышно. Белла смотрела на нее с легким изумлением и не зная что следует сказать лишь промывчала. Мир Беллы заключался в простых житейских радостях – созерцать цветение и быть нужной ближнему, ей было сложно понять как мысли юной Гертруды заходят так далеко, так далеко о чем она и думать не могла. Передвигаясь по комнате Белла чувствовала как ее маленькая мисс наблюдает за ней одновременно с собственными представлениями о прозрачной тени.

- Я спущусь вниз, мисс -

Гертруда молчала, представляя себя той самой тенью, прозрачной тенью. Нет, не представляя, вот в этот момент она была тенью. Взгляд ее перемещался по комнате, то за-

стывая, то вновь продолжая скольжение и вот окончательно он остановился и привел ее в чувства на платье, которое ожидало ее. Оно не нравилось ей, несмотря на всю красоту ткани и изысканности стиля. Не в силах отыскать самое главное в нем для себя – легкость, Гертруда уже ненавидела себя в нем.

Спустя время, Изабелла доделала над молодой мисс все необходимое к ее выходу в свет, Гертруда стояла на пороге своей комнаты, она оглянулась на нее и с глазами полными слез развернулась к Белле.

-Что вы мисс?,- в такие моменты Белла больше всего любила Гертруду, в такие моменты она была для нее простой девочкой с капризами,- Не нужно слёз! Самое приятное во взрослении это,- она замолчала и подумала о том, что ей самой сейчас было близко,- Влюбляться...

-Влюбляться?

-Да, мисс, вы и ваши родители начнете искать себе избранника жизни. Мужчину, с которым вы пройдете путь,- Белла искренне верила это должно заинтересовать Гертруду.

- Белла, но я уже влюблена,- недоумевающая Белла смотрела,- Я влюблена в этот мир, в каждое мгновение, которое я ловлю,- «и в лучик» подумала Труды,- Я влюблена во все. Я уже влюблена, Белла. Для этого не нужен определенный возраст.

- Мисс,- Изабелла еле-еле сдерживала смех,- Я говорю о влюбленности в мужчину.

«Влюбиться...в мужчину...у нее только они на уме!»

Глава 2

Отец Гертруды почитал все устои общества, по крайней мере так виделось на первый взгляд. Можно сказать он состоял из общепринятых правил, но как у любого почитателя правил хранил свои секреты, к которым мы вернемся позже. Устроить бал в честь взросления (как все говорили) Гертруды было логичным и верным для него, таким же правильным как и выдать ее замуж, ведь именно в этом крылся секрет счастья дочери, а значит и его родительский. Для Гертруды, как уже стало ясно, прием всех кого она знала и не знала являлось тяжким испытанием, которое она не то, чтобы не хотела проходить, но не в силах совладать со своими же противоречиями, просто принимала. Сложность ситуации была подогрета и чувствами к отцу, противостоять ему, его силе и влиянию, она не могла и не хотела пробовать.

Торжество проходило в летнем домике семьи, который всем своим видом больше походил на многоуровневую беседку с залом и летней кухней. Первые этажи домика были похожи на стеклянную витрину и только третий этаж отличался от остальных двух: он был меньше, тем самым напоминал башенку, выполненную из стальных сооружений с резными узорами, да и весь дом имел стальной каркас. Символическое событие в честь выхода Гертруды во взрослую

жизнь состоялось на первом этаже. К моменту прихода именинницы большая часть гостей распределилась по небольшим компаниям, ведя местами заумные, местами не очень беседы. В атмосфере царил праздник, который она могла бы вкусить с легкой радостью, не предназначаясь он ей. Обильное внимание к своей персоне Гертруда воспринимала с настороженностью и уж точно не испытывала благодарности за это. Присутствующие готовы были поздравлять девушку с семнадцатилетием, оценить ее образ, ее манеры, но она не торопилась заходить в дом, еще находясь на веранде Гертруда смотрела, как отец украсил сад рядом и подумала: *«Поздоровалась со всеми и уйду в сад. Им же все равно где я, им важен праздник, повод открыть шампанское и сказать: Ура!»*. Труди глубоко вздохнула и зашла в новую версию себя для всех собравшихся, с цифрой в ее ежегодном реестре поменялось отношение к ее потребностям у окружающих. Взгляды гостей стали обращаться к ней, она чувствовала, как кровь прильнула к ее лицу и молнеееносно заулыбалась каждому, тут подскочил папа, за ним и мама. Аккуратно взяв дочь за талию одной рукой и за руку второй, дабы захватить в плен общественных формальностей, отец и дочь поплыли по гостям, большинство из которых Труди, конечно же, знала, так как знакомые лица были вхожи в их дом, со многими она обедала за семейным столом, с некоторыми имела личные беседы, но та обязанность в голове папы, кричащая для личного и общественного спокойствия представить гостям

свою дочь Гертруду: ее переросший детство стан; ее манеры, взятые из семьи; ее знания, полученные от учителей и книг; ее готовую войти во взрослую общественную жизнь; иначе порядок выстроенный годами разрушится и не дай Бог, что на его руинах соберется. Труды плыла с отцом в огромном океане знакомых, друзей, почетных гостей, позади шла мама и причитала. Гертруда ощущала себя вещью, которую надо выгодно заложить антиквариату, оцененную по настоящим достоинствам во вклад будущего. *«Это странно ощущение, что моя жизнь, моя личная жизнь волнует их больше моего. Оно связано с опекой о близком человеке или с желанием держать все под контролем? И до чего же все одинаковые, я как в стране клоунады: лица, улыбки, взгляды, даже одежда, вроде различается, но нет, она тоже одинаковая. Все смеются и улыбаются – это прекрасно, что людям весело, но если бы они увидели это со стороны им не то, чтобы тошно стало, их бы уже давно стошнило на себя самих же. Интересно, как долго человек может не признавать себя и носить маску как у всех...Вопрос...конечно, риторический, но ответ, что приходит сразу же мне в голову – всю жизнь. Сейчас со всеми представляюсь, отец потанцует со мной, мой праздник, на котором мне отнюдь не празднично. А все же, как смешно наблюдать за людьми. Вот, например: мистер Генри стоит с женой в обнимку, держит ее за талию, но нет в нем любви, он смотрит холодно, жестоко и папа нравится ему только потому, что имеет положение и*

увеличивает свой капитал с каждым годом, денег не стало и мистера Генри тоже; а вот мисис Эльза и ее муж обезумевший от еды мистер Ганс, наверное, он съел уже все канале и милые мальчики обходят его стороной, а он же, наоборот, выглядывает их, где эти подносы, надо же какое рабство желудка. Не хотела бы я быть рабой собственного организма, не он ли раб мой или пристанище? А это мистер Альфред у него в голове женщины, сколько слухов ходит о нем, надеюсь отец не думает его пророчить мне в мужья. Ведь если папа рассчитывает на приумножение достатка, то мистер Альфред прекрасная тому партия, но есть в нем что-то грязное, вот только взглянет на тебя и чувствуешь как его грязь перекидывается. А это кто тут промелькнул...кого-то мне напоминает, а это сын мистера Ландера и мисис Роны, у них еще двойняшки Клара и Гэби, а сына их зовут...не помню как...Может аккуратно папу к ним подвести? А то он убегает и смотрит так надменно».

Пройдя всех гостей, Гертруде так и не удалось подойти к замеченному юноше, поговорить с ним хотелось отчасти из-за его поведения, отличающегося от других: отстраненность во взгляде, при этом чопорность и надменность выражения его лица выдавали себя сильнее остальных, она заметила в петлице у него желтый цветок, похожий на нарцисс. Завершив обряд формального знакомства танцем с папой, Гертруда ускользнула в сад. Пробираясь сквозь цветущие кусты она слышала шаги по звуку отдаляющиеся от нее, она хотела

пойти следом уже ступив как за руку ее кто-то схватил.

- Мисс, куда Вы?

- Белла, это ты?

- Так и есть! Велели вас найти, подают десерт, а вас нет. И разве можно одной гулять в темном саду? Вдруг, здесь ходит кто чужой...,- она с испугом оглянулась.

- Ты тоже слышала?,- Гертруда увидела в ответ встревоженный взгляд,- Идём, Белла,- тихо произнесла она и двинулась в сторону темноты, но крепко сжав руку своей маленькой мисс гувернантка настойчиво указала взглядом на шумное празднование.

Разрезав торт и в очередной раз выслушав поздравления от некоторых гостей, Труди взмолилась всем своим цветочным и лесным богам о скорейшем завершении этого вечера. Иногда она продолжала искать глазами того загадочного юношу. Смотря на всех улыбающихся гостей она чувствовала, как постепенно в ее макушке поднимается давление, а злость и ярость начинали завладевать ей куда сильнее, чем она представляла и прежде они были ей не ведомы так ярко. Еще немного она постояла среди гостей, затем отыскала Беллу и заявила ей, чтобы они немедленно ушли домой, та пыталась уговорить мисс не бунтовать, но в конечном итоге как всегда сдалась под натиском настойчивых глаз Гертруды.

Когда Труди с гувернанткой и отцом вышли в сад, на встречу им из темной его части шел молодой капитан. Его внешнюю неприступность заменила тревога опоздания, в ру-

ках у него был скромный букет лесной земляники, в котором проглядывались белые цветочки и уже красноватые ягодки, перевязанный веткой молодой сирени. Отец, обрадовавшийся встрече, ускорился к нему, они крепко поздоровались, он хотел было представить его Гертруде, но та лишь скромно приняв букет сообщила о своей усталости. Развернувшись, Труди вместе с Беллой начали удаляться в сторону дома по лесной аллее. Гертруда уже не видела, что заметив капитана в сад вышли многие молодые люди включая Ганса и молодого человека, с которым она так хотела познакомиться, сам капитан неловко смотрел ей в след.

Дорогу домой Труди молчала, ей не хотелось ни о чём разговаривать, она чувствовала, как силы выпиты до дна и ей хотелось бы упасть прямиком в глубокий сон, помогающий забыть этот день и любой другой.

Глава 3

В полумрачной комнате Гертруды горел только светильник, освещая половину ее лица, она молча лежала и, закрыв глаза, пыталась раствориться, но сегодня все было не так. Впервые перед сном к ней лезли в голову мысли, что не давали уснуть, маленькая темная заноза в мозгу тихо и настойчиво скребла. Внутри просыпалось странное чувство, оно было еще размером с семечку, но Труды его так явно ощущала - оно мешало ей. В этот же момент она почувствовала как кто-то сел рядом с ней на кровать.

- Уходи, Белла! Сегодня с меня хватит, я не хочу разговаривать, не хочу слушать, что все хорошо, а папе...,- она замолчала и быстро продолжила,- Родителям передай я сплю,- тихо произнесла Гертруда. Она не хотела видеть лица Изабеллы, ни слышать её голоса, ей нужно было, чтобы Белла просто испарилась из комнаты также тихо, как и появилась. Однако, после сказанных слов ничего не изменилось, тяжесть рядом с Труды не исчезала, а только, чуть поерзав, уселась поглубже, показывая, что никуда она не денется. Тогда Труды, изрядно пытавшаяся испариться сама, открыла глаза и со всей возможной пылкостью, развернувшись, уткнувшись в лицо папы.

- Папа?!,- с удивлением и некоторым стыдом за сказанное

недавно воскликнула Гертруда.

- Милая,- тихо произнес он и взял ее крохотное личико в свои руки,- Труди, девочка моя, что тебе сегодня не понравилось?

- Не понравилось? Что ты, папа! Все было великолепно, самое прекрасное взросление, что я видела,- мягко старалась говорить она. Папа смотрел на дочь умоляющим взглядом.

- Весь вечер в твоих глазах я читал грусть и беспокойство. Я пришел узнать, что сделал не так...

- Папа-, Труди легла отцу на колени,- Что ты такое говоришь! Все было волшебно, просто я у тебя странная дочь,- маленькая слеза скатилась из глаза Гертруды, папа успел ее поймать и нежно погладил щеку дочери.

- Что случилось?

- Папа, я не хочу взрослеть, не хочу выходить замуж, не хочу детей. Я хочу полюбить, полюбить так, как это задумано всевышним планом или Богом как хочешь называй, но я не хочу жить по правилам, по которым живете вы!,- Труди крепко обняла отца и наконец-то разревелась, отец только слышал всхлипывания своей дочери и чувствовал, как мокнет его рубашка, он тронул дочь за волосы и стал гладить ее по голове, нащёптывая,- Тихо, тихо...-, он понимал ее слова, как некогда себя молодого, и не понимал, как отец.

- Все эти правила, все эти людские привычки о том как нужно жить...Все это убивает меня, создает внутри меня раздражение. Я никогда так не жила, ты знаешь,- говорила

Труди в папин живот,- Я всегда старалась жить так, как говорит мне что-то внутри. Но этот прием, этот обряд взросления, выбор будущего мужа и прочее, прочее, прочее - все это наводит на меня печаль. От этих мыслей мне хочется раствориться,- Труди отпрянула от отца и сказала ему в глаза,- Папа, я хочу жить здесь так, как говорит мне...,- она положила ладонь на свою грудь, показывая что там что-то живет, там есть то, что сильнее любых правил для нее и не имеет понятия как принято. Папа внимательно смотрел в глаза своей дочери, еще немного и он сам мог расплакаться от того какая умная она виделась ему, но он держался. Снова взяв крохотное личико девочки сказал:

- Сокровище мое, ты единственная в этом доме кому позволено жить так, как хочешь. Это говорит твой отец, а он глава этого дома!

- Папа...,- Гертруда вновь расплакалась и легла на его плечо,- А как же мама? Она уже вовсю подыскивает мне жениха, она хочет видеть мое удачное замужество, но хочет ли она видеть меня счастливой?

- Любой родитель хочет видеть своего ребенка счастливым. Но я тебе кое-что скажу. Не каждый родитель сам счастлив на столько, чтобы разглядеть в чем счастье его ребенка. Для начала нужно быть счастливым самому прежде, чем советовать как быть счастливым другим,- Труди лежала на плече папы и думала только о том, что она будет жить, как хочет, папа ей разрешил. Она уже плохо слышала его слова...

- Папа, а как быть с молодыми людьми, мама будет знакомить меня?

- Милая, она все равно ничего не решит пока не получит нашего с тобой согласия. А мой тебе совет не спорь с мамой, а с молодыми юношами общайся, дай им возможность заинтересовать тебя, дай им шанс, обещаешь?,- папа развернулся к дочери и аккуратно щелкнул ее по носу, как делал это всегда, сколько помнит себя Труди.

- Я постараюсь...

- Теперь отдыхай, моя дорогая, сегодня был сложный день,- папа поцеловал дочь в лоб, еще раз провел рукой по ее волосам,- Я люблю тебя, Труди,- произнес он уже у двери.

- Я тебя люблю, папа,- с улыбкой ответила она ему.

Труди забралась под одеяло, свернулась клубочком и закрыла глаза. Свет от светильника так и освещал половину ее лица, которая отныне сияла в улыбке. Сон незамедлительно пришел.

Глава 4

«Мужчины. Мужчину, которого ты выберешь. Ты должна выйти замуж», - летал голос матери в голове Гертруды, навязчивые бумеранги из обрывков фраз запускались ее разумом ВНОВЬ И ВНОВЬ.

«Кто такие эти мужчины? Двоих я знаю от рождения. Папа и брат. И только в контексте них могу рассуждать о тех, численность которых преобладает. Мой любимый отец и мой невыносимый брат - они настолько разные, хотя являются родственниками... А сколько ещё разных на свете родственников и не родственников. Отец любящий, он умный и сдержанный. Ганс же эгоцентричный павлин, самовлюбленный до стыдобы. Может быть так, что и мой папа в молодости был таким, просто потому, что Значит ли это, что мой папа когда-то был таким же, как и брат, просто потому, что молодые побеги слишком самовлюбленные и наивные. И кто тогда сделал папу умным?». Сидев на подоконнике она возвращалась к своему непониманию от чего никто не хочет дать ей жизнь без наставлений, как-будто она не в мире реальном, а мире выдуманном. Взгляд Гертруды прирос к серо-синему небу и каплям, стекающим по стеклу узором. Если бы ей удалось выскочить из дома, оказавшись под этими каплями, подставить свое лицо под холод-

ные небесные бусины. Она чувствовала как мамины слова: запреты, желания относительно нее сдвливают ее, как она теряет нить со своим настоящим пониманием, в нее ввергалось чувство ответственности, которое утверждало как жить правильно, а как неправильно. Под этим голосом было сложно услышать голос свой собственный, утешая себя лишь тем, что где-то в иной реальности у Гертруды есть свой четко сформированный манифест ко всему, что сейчас она озвучить не может.

«Почему я должна хотеть замуж? Почему должна этого хотеть сейчас или выдумывать с детства истории в этом контексте. Как наличие мужа решит мое жизненное положение? Что мне нравится вообще? Читать. Гулять. Наблюдать. Общение с папой и бабушкой и даже со всеми родными, ведь наше мнение серьезно различается с той же мамой и Гансом. И как во все это вписать кого-то мне чужого, если с родным братом я не могу быть собой. Ганс старше меня и для него участь становится семьянином раньше, но мама скажет, что у мужчин другое исчисление возраста, а у нас... Нет права на желание? Кто такие мужчины и какова их роль в жизни женщины. И должно ли быть какое-то чувство? Что такое любовь? Это чувство или состояние? У меня очень много вопросов, а ответы никто не сможет дать, кроме меня самой».

Труди вышла из комнаты и из своих серых размышлений, оставшихся на подоконнике. Некогда ее любимое простран-

ство; личный, маленький мир – стал невыносимо скучным, теперь она не ощущала защищенность в нем: сразу после дня рождения Гертруды ее мать велела вынести все атрибуты ушедшего детства, оставив единственную фарфоровую куклу – подарок отца на первый год жизни. Хозяйка комнаты смотрела на происходящее осудительно, а на действия матери скандально, но расстраивало ее только одно – Луч, который она не наблюдала по-утрам на стене и связывала она его исчезновение с внутренними изменениями, не проявляющие себя в жизни, но уже ощутимые внутренним зрением. А мама сама не понимала, что творила, ей казалось, что она делает добро, вопреки чувствам и желаниям человека, в отношении которого она несла это самое добро.

Выйдя в коридор, она обнаружила, что не только её комната, но и весь дом покрылся бесцветной плесенью тоски. Было ли это вызвано отъездом папы или чем-то иным Труды не знала и даже не старалась ощутить. Она, также тихо передвигаясь по большим коридорам, стремясь отыскать хоть кого-то. Обойдя весь дом, наконец, отправилась на зимнюю веранду, где находилась мама. Как всегда в чудесном дневном туалете, ее гнедые волосы частично локонами спускались на плечи и ключицу, которую было видно под нежной вуалью платья. Прическа была нежно-растрепана, такое она могла позволить себе только в отсутствии показанной сдержанности или отца. Труды подошла к ней со спины и порывом нежных чувств обняла ее за шею.

- Здравствуй, мама!

- Гертруда?!, - чуть подскочила она от неожиданных нежностей и захлопнула свою книгу, - Отчего ты так поздно вышла сегодня?

- Мне нельзя выйти на улицу... я сидела в комнате, но тоска так заела меня. Я решила тебя проведать, - приврала дочь.

- Тебе не подобает сидеть в одиночестве без дела, возьми книгу в библиотеке и сядь рядом со мной и ты точно не будешь чувствовать тоску.

- Книга мне не поможет, мама, - Труди села в кресло напротив и свесила ноги с подлокотника, мать сурово посмотрела на эту выходку, но не стала делать замечание, - Удовольствие и радость мне приносят прогулки.

- Что ты найдёшь в своих прогулках?

- Их я нахожу занимательными, за ними я нахожу себя, открываю тайные помыслы своей натуры, слышу, что шепчут мне деревья на мои вопросы, а тут в доме... словно в тюрьме.

- В тюрьме? Бог мой, Гертруда! Какие слова, бросай свою мечтательность или что это за дерзость! Ты уже не ребенок, ты молодая девушка, которая должна готовиться к замужеству. Скажи ты такое мужу своему и он испугается твоих мыслей.

- Тогда зачем мне муж? Если он меня пугается?, - улыбаясь заметила Труди.

- Что значит зачем? Ты хочешь всю жизнь прожить отшельником? Гуляя и разговаривая с деревьями?

- Смотря, что ты под этим воспринимаешь, мама...

- Под отшельником, дорогая?,- мать немного приподнялась поправить платье,- Ты, моя дорогая – отшельник. Ты любишь слоняться в одиночестве, ты разговариваешь с цветами и со всякой живностью. Это общество тебе милее общества людей,- Труди явно улыбнулась, мать охарактеризовала ее верно и это не могло ей не нравиться.

- Да...,- растянуто заявила она,- Но разве ты сама, дорогая мама, не готова была пренебречь обществом людей ради книг,- взглядом Гертруда указала на закрытую книгу на коленях матери.

- Нет,- твердо ответила она,- Ни в коем случае. Книги – это опыт, это знания, это наставления, примеры в конце концов, а люди – это сама жизнь,- мать была довольна своим высказыванием и даже немного задумалась над тем, как великолепно она его произнесла.

- А для меня, мама, жизнь – это цветы, деревья и всякая живность, как ты говоришь. А люди – это отдельные субстанции, каждая со своим миром и мне не интересны их миры,- Труди лежала все в той же позе и начала качать ноги, что уже не на шутку разозлило мать, она стала себя вести слишком фривольно и манерно.

- Гертруда,- держа тон начала мать,- Сядь, пожалуйста ровно. В конце концов, перед тобой твоя мама, а ты ногами болтаешь, словно тебе пять лет...,- Труди неохотно поставила ноги и села ровно,- Спасибо! А насчёт твоего заявления,

я тебе отвечу просто: Я согласна, что окружающая нас среда – это форма жизни и, что люди сами по себе отдельные ее единицы, но хочешь ты того или нет тебе придется с этими мирами общаться, не обязательно впускать их в свой, но обязательно быть учливой к другим. Мужчина может полвека жить без жены, есть разные для этого причины и основания, но женщина - не может, о ней начнут сквернословить в каком бы новаторском обществе ты не жила, а это невыгодная партия,- мама встала и медленными шагами стала ходить, Труди ощутила непроглатываемый комок в горле, она чувствовала к чему пойдёт разговор,- Я и твой отец будем подыскивать тебе достойную кандидатуру, так как ты девушка необычная и рассчитывать на твой выбор нам придётся очень долго, но ты должна осознавать, что выдавать тебе замуж мы собираемся ни завтра, ни через месяц и даже ни через год. Тебе стоит поработать над своим поведением, а это длительный процесс и дай Бог, что к девятнадцати годам мы тебя выдадим и ты будешь готова к этому, но думать об этом ты должна уже сейчас. Со мной никто так не нянчился, как с тобой вся семья, тоном отменного психоаналитика говорила мать,- Ты должна сейчас свыкнуться с мыслью, что станешь женой. Надеюсь хорошего, многообещающего человека,- у Труди скрутило живот и она молча слушала дальше,- Вот как меня выдавали замуж за твоего отца: ни отец, ни мать не спрашивали моего мнения. В восемнадцать лет на одном из приемов мне представили его, а через год он стал

моим мужем...

- Он был глупцом?,- пользуясь случаем спросила Трудя, перебив столь содержательную речь.

- Что значит глупцом?,- недоумевая спросила мама и обернулась на дочь, от Гертруды можно было ожидать любого вопроса, любой фразы, но каждый раз она удивлялась, как в первый.

- Скажем, он был занудным, заурядным, скучным молодым человеком?

- Нет, не в сила скрыть улыбку ответила мама,- Нет, твой отец был элегантным молодым мужчиной. Ты знаешь, что папа немного старше меня и когда нас представили друг другу он показался мне приятным, хоть и,- она немного замялась,- хоть и со своими особенностями.

- То есть он не был таким глупцом, как Ганс?

- При чём здесь твой брат?,- красная тряпка в виде имени брата Гертруды заполыхала над матерью.

- Ганс старше меня на четыре года, а до сих пор не женат...и вы с отцом не думаете подыскивать ему жену!,- возмущенно заявила Гертруда.

- Для мужчины Ганс еще молод, Гертруда. Тем более он учится. Не мое решение было отправить его учиться, я бы предпочла службу, но так решил ваш отец и я с ним абсолютно согласна. Гертруда, брак – это понимание, это доверие и уважение в первую очередь. И мы с твоим отцом старались понимать друг друга на первых порах нашей совмест-

ной жизни, находить компромиссы. Быть едиными во всем, становиться семьей...

- А любовь, мама?

- Что любовь?,- с легкой надменностью спросила мать, ее правая бровь поднялась, а глаза потупились.

- Ты любишь папу?

- Моя любовь к нему проявляется в полном уважении и доверии, его ко мне тоже. Но что ты подразумеваешь под этим словом, пылкость чувств, которые ты можешь наблюдать, она махнула рукой в коридор явно имея в виду Беллу и садовника,- Что, Гертруда?

- Я не знаю, что такое любовь, но я думаю, что это не нужно понимать, а необходимо чувствовать,- Труди стало неловко, она сразу вспомнила о любви к деревьям и цветам, о любви к своему Лучику. Мать понимающе на нее посмотрела и в ее глазах на секунду можно было поймать искорку уважения к дочери,- Я могу тебя спросить?

- Конечно

- Кто такие мужчины?,- мама не ожидала этого вопроса и смотрела на дочь, она хотела ответить ей, что они защитники нас, мира, жизни, но от чего-то в ее рту поселился камень, выплюнуть который она была не в силах.

Труди встала, прошла к маме, чтобы обнять ее, она не понимала – делает она это из вежливости или от теплых чувств. Мама долго смотрела ей в след и этот разговор задел в ней что-то иное, что-то, что она и сама пока не могла понять,

но оно растекалось по телу теплым чувством. Единственное понятое ею от ее же молчание – это отсутствия ответа на вопрос дочери, совершенно простой вопрос, на который всегда найдется шаблонный ответ, прозвучал от Гертруды так глубоко, не от праздного любопытства, но и от собственного поиска, как атрибута не защиты, а человека.

Глава 5

Бабушка Гертруды является представительницей той части женщин, за которыми все возможные кавалеры бегают, волоча ноги в свое время, а они ко всеобщему удивлению выбирают самую неочевидную партию; замужеством их обаяние не заканчивается, а лишь усиливается, зля представительниц другой части женщин и продолжая возбуждать умы мужского пола от мала до велика; они же ищут во взаимоотношениях с противоположным полом одного – душевного штиля, огорчаясь тем, что так и не довелось отыскать верную женскую дружбу, не подчиняясь никогда правилам и рассуждая исключительно из понимания своего мировоззрения сложно было бы найти дружбу с теми, кто обсуждает энных.

Указав в письме днем приезда день позже данного дня, бабушка Труды уже подъезжала к главному входу. Внучка ее не спала в надежде зацепить хоть видимость ее Луча и услышав шум гравия сразу поняла Айяй приехала. Взглянув на час (пять сорок утра), она быстро выбежала из комнаты встречать ту исключительную женщину, с которой ее ждало море рассказов, эмоций, душевных обсуждений, смеха и радость встречи за эти два года.

Шофер бабушки Ральф подскочил помогать Айяй выходить, Гертруда предвкушала, как она угодит в ее объятия и

наблюдала за аккуратными движениями, прикосновениями и взглядами лягушонка Ральфа в сторону бабули.

- Кажется, только ты и ждала меня, дорогая!,- с насмешкой проговорила бабушка, невесомо поцеловав внучку в макушку. Гертруда вдохнула бабушкин запах муската и поняла в ту же секунду как ей не хватало ее, капля слезы скатилась по ее щеке, оставшись незамеченной.

- Айяй,- шепотом произнесла Труди,- Все еще спят и мама будет ворчать, что ты так рано приехала, но я честно скажу тебе, что я этого ждала,- она подняла голову на бабушку и увидела два солнечных диска ярко светивших на неё, янтарные глаза во многих порождающие гнев и слабость, а во многих исключительную любовь.

- Ждешь меня всегда, дорогая!

- Жду тебя любой, Айяй!

- То есть, ты хочешь сказать твоя матушка ещё наблюдает сны?,- с улыбкой на лице сказала бабушка.

Но мама уже спускалась к парадной двери, накинув на себя домашний капот поверх сорочки, наспех пытаюсь сделать хоть какое-то подобие пучка на голове. Спустившись на половину лестницы, она остановилась поправить собранный пучок, больше походивший на гнездо и столкнувшись взглядом с Айяй, медленно сошла к ней.

- Моя дорогая,- с чуть заметным вызовом обратилась бабушка к своей дочери,- Ты никогда не готова к моему приезду,- с улыбкой добавила она.

- Здравствуй мама... Как рады мы твоему скорому приезду после письма, иногда проскакивает мысль, что ты отправишь нам письма с ближайшей станции,- наигранный смех мамы разразился по всему первому этажу дому. Айяй скромно улыбнулась и, приобняв Труди еще сильнее, прошла дальше в дом.

Всего через несколько часов после приезда бабушки, завтрака в кругу семьи не без обоюдных подколов Айяй и матери, нервных вздохов папы, ерзанья Ганса по стулу: Гертруда и ее горячо любимая бабушка гуляли в пролеске недалеко от дома. Взяв ее под руку, тихо ступая по земляному покрову тропы, она слушала каждый вдох и выдох Айяй.

- Как прошел твой праздник, дорогая?

- Мой праздник...,- протянула Труди, бабушка внимательно смотрела на внучку, оценивая ее настроение по легко проступающей мимике,- Айяй, я не могу радоваться тому, что отнимает у меня себя... я не согласна со всем тем балом - маскарадом, в котором я участвовала и...

- Не согласна? С чем?

- С тем, что я становлюсь рабой случая, отныне жизнь моя и не моя вовсе. Родители ищут мне жениха. Они считают, что от этого зависит моя судьба и, возможно, их тоже,- бабушка улыбнулась, с самого рождения и взросления Гертруды она знала именно эта тема и станет предметом тяжелых размышлений для ее внучки.

- Они не будут искать так, как ты думаешь. Тем более те

кандидатуры, что будут нравиться отцу или матери необязательно откликнутся твоему сердцу. Ты вправе выбирать сама

- Я никого не хочу выбирать, Айяй,- Гертруда резко остановилась и слезы хлынули у нее из глаз, впервые за долгое время после дня рождения она оказалась рядом с человеком, которому могла доверить себя и свою душу полностью. Бабушка обняла ее, как никто другой она понимала это молодое сознание, что не могло поверить в правила жизни, что не могло принять их и следовать им со всей мужественностью, что не понимало вообще никаких правил.

- Все мы здесь рабы, милая,- Труди хныкала ей в грудь, у обеих было ощущение неизбежности момента,- Но что такое рабство? Ты скажешь не свобода и будешь по-своему права, но разве истинная свободна не в принятии того, что должно?!, - бабушка продолжала обнимать ее,- Со временем познания нового - это придет к тебе тоже

- Но почему же мама так настаивает...

- Для нас, для мам, готовить свою дочь к замужеству одно из самых приятных в материнстве. Одно из самых печальных, с точки зрения времени, но и самое приятное, с точки зрения рода. Отчего же ты думаешь, что ты раба?,- бабушка взяла лицо внучки в руки и ласковый взгляд полился в глаза Труды. Взгляд полный надежды, что добро живет, что есть свет в человеке.

- Даже если так, Айяй, то я должна полюбить...

- И ты полюбишь,- они двинулись дальше по тропе,- Те-

бе нужно отдохнуть от праздников и гостей в доме. Я скажу твоей маме, чтобы она отправила тебя на воды

- На воды, бабушка? Но чем мне может помочь эта поездка?,- у Гертруда снова накатились слезы, все сказанное ей и бабушкой виделось настолько бессмысленным, глупым, каждое слово, вылетающее из уст, обретало форму и моментально теряло в неизбежности чувств. Езжай она на воды это не изменить то, что в конечном итоге настигнет ее.

- Не трать попусту свои слезы, для них еще будет много значимых моментов в твоей жизни. Ты только ступаешь на путь становления себя в жизни и можешь знать, что будет важным для тебя через год. Не усложняй себе жизнь мыслями о неизвестности. Сейчас ты всего лишь Гертруда. Поезжай на воды, милая, там не будет твоих родителей. Твоей матери мы преподнесем это, как совместную поездку. Я побуду с тобой там некоторое время и отправлюсь по своим делам, ты будешь предоставлена себе, это ли не радость для тебя?,- от последней фразы бабушки у Труди мгновенно зажглись глаза, то чего она так жаждала сейчас лежит прямо перед ней.

- Да, бабушка. Да и тысяча раз да, я хочу быть предоставлена сама себе.

Глава 6

Бабушка сдержала свое слово и через три недели после ее приезда вместе с Трудой и верным Ральфом они ехали на воды. Все негодование, испытываемое матерью в тот момент готово было лопнуть наполненным водяным шаром об острую иглоку бабушкиного сарказма, но вместо этого она терялась от испытываемой злости и при возможности (когда никто не видел) сжимала пальцы в кулак так сильно, что на ладонях проступали красные полумесяцы. История бабушки и матери Гертруды должна была бы пролиться на нее, если только она не потупив свой взор на своем внутреннем мире умела бы еще наблюдать за людьми, которые в этом нуждались. Уезжая, Труды быстро чмокнула мать и папу, пока скользящая пелена везения ускользнуть от них - не ускользнула от нее.

С момента выезда автомобиля и до его прибытия в пункт назначения, Гертруда предвкушала. Предвкушение было любимым занятием, которое она оценивала по большому достоинству нежели само событие. Труды наблюдала в окно за сменяющимся пейзажем пока не столкнулась в зеркало со взглядом Ральфа, который наблюдал за ней всю дорогу. Взгляд его говорил ей: *«Я знаю все твои желания, все о чем ты думаешь»*, и улыбался той самой улыбкой, наполняющей

людские сердце не из чего светом. Такой был Ральф: он молчал, он слушал и он наблюдал; но и он же мог вовремя подобрать необходимые слова. Айяй ценила Ральфа, а тот боготворил ее в ответ, иногда Гертруда думала, что они составили бы хорошую пару в какой-нибудь иной вариации жизни. Она предавалась разным мечтам о других, воображая самое невообразимое будущее для них и становясь в этих мечтах творцом. Ее мечтательный взгляд улавливали все и кого-то он мог раздражать недоступностью, а кого-то манить. Бабушка тоже замечала этот взгляд, но не так глубоко и достоверно, как казалось самой Гертруде.

- Теперь, Гертруда, я пробуду с тобой несколько дней и уеду,- начала бабушка за обеденным столом,- Познакомлю тебя со всеми интересными людьми и ты будешь представлена тому самому моменту, о котором так мечтаешь. Уединению,- она улыбнулась и бросила на внуку быстрый взгляд.

- Бабушка, может ты останешься дольше?

- Нет, дорогая, мне неловко отнимать у тебя считанные мгновения раздумий, тем более нам с Ральфом нужно ехать дальше,- Трудя перевела взгляд на Ральфа, который молча ел и смотрел за каждым словом бабушки, он всегда был с ними рядом и сидел с ней рядом, ходил за ней уступая на полшага и можно было только догадываться какие истинные отношения могли их связывать, тогда как Айяй общалась с ним жестами, лишь изредка взглядами, что уловить было невоз-

можно даже наблюдательной Гертруде.

Через несколько дней и море бабушкиных знакомств, Гертруда была вверена управляющему пансионатом, который с радостью откликнулся на просьбу приглядывать за юной особой. Обнимая Айяй на прощание в голове Гертруды молнией проскочило: *«как в последний раз я ощущаю ее аромат и тепло тела»*. Неведомой для себя причиной она знала, что не увидит бабушку, что встреча их не состоится более и все, что у нее останется от нее – это данный момент. Однако, желание скорее остаться одной в собственном обществе перевешивало детального изучения или банального разговора об испытанном чувстве. И вот предвкушение одиночества переросло в событие. О, эти сладкие мгновения танца победы: нет ни матери, ни отца, ни брата, ни любого ею управителя. Она сама. Ликует в собственном блаженстве, настолько внутренний мир дороже окружающего. И осуждать ее нельзя за это, она еще так юна, что любая воспринимаемая ею радость единолична.

Протанцевав предоставленные ей от бабушке апартаменты она плюхнулась на кровать и погрузилась в тишину. За стрелками часов слышала ненавязчивую мелодию рояля, где-то смех, шелест листьев за окном и пение птиц, чьи-то тихие разговоры, смех. За тишиной всегда крылся шум. Улыбка сама появилась на лице, снова возвращая ее к себе. Она погружалась глубже и глубже в собственный вакуум без звуков за его пределами.

Аккуратный уверенный стук господина Бальмо вывел ее к знакомым суетам жизни. Гертруда встала, не заставляя его ждать, открыла дверь.

- Я знала, это вы,- Гертруда улыбнулась своей самой доброжелательной улыбкой, Бальмо подумал в тот момент, что юная особа так походит повадками на свою бабушку.

- Моя дорогая, я лишь пришел уведомить вас о живой музыке в ресторане по вечерам, как вы успели заметить. О концертах, за расписанием которых лучше следить у стенда в фойе пансионата. И обо мне – если я буду вам нужен вы сможете найти меня, там же, в фойе или моем кабинете,- Бальмо улыбнулся и сквозь его маленькие усики Гертруда увидела ряд мелких зубов, как у мышки.

- Это так любезно с вашей стороны,- снова улыбнулась Гертруда.

- Не забывайте и про наш сад роз, в этом году растут особенные розы, они излучают свой аромат весь день ни боясь знойной жары и проливного дождя,- добавил он уже уходя, затем в его руках из воздуха возник конверт, он протянул его ей со словами,- для Вас!

- Благодарю,- Гертруда только успела взять в руки письмо как Бальмо быстрыми шагами удалился и скрылся в ближайшем повороте. На конверте любовался знакомый почерк Айяй. Медленно Гертруда закрыла дверь и все еще не отводя взгляда от своего имени, подписанным бабушкиной рукой вспомнила недавние ощущения при прощании с ней. Она

легла на кровать и поставив две руки перед собой смотрела на письмо, от которого исходил едва уловимый запах муската. Взгляд ее сверлил имя на конверте, затем строки завернутые в бумагу и наконец потолок, перед ней открылась бабушкина душа: местами раненная, местами пораженная, местами обреченная, но детская, полная запала к жизни. Она сама не понимала почему испытывала именно такие чувства к Айяй, толком ничего не зная о ней и о ее жизни, бабушка спустя не меньше два поколения была приоткрыта ей, как большая книга с загадками и тайнами, что эта книга расскажет о себе, то и останется в Гертруде, а было ли это истинной правдой...да разве существует истинная правда.

Наконец, ее девичьи раздумья прервались и руки резко без стеснения раскрыли конверт и достали письмо. Послание, в котором могло быть написано что угодно, но главное пронизанно любовью к своей внучке, ведь милейшей души Айяй давно жила на этом свете и успела увидеть разных людей в разных обстоятельствах, но нигде и никогда прежде она не видела таких, каковой была ее собственная внучка. И ей, как старшей, хотелось несомненно передать хоть часть полученных знаний, правда, она и сама понимала что бы она ей не написала, что бы она не сказала все это Гертруде известно и с малых лет глаза ее смотрят внутрь Айяй переворачивая в ней все с ног на голову. Это и решила изложить ей бабушка, а еще как она сама когда-то любила все, что могла вместить ее душа. Сила, которой бабушка некогда могла и

может влиять на свою дочь уже не властна над ее внучкой, как и любого в доме, кроме силы любви, лучащаяся, к примеру, от отца Гертруды к ней и от нее к отцу.

И как до прочтения душа Айяй на распашку, ощущения знакомые Гертруде не по опыту тела, но совершенно другому опыту, она продолжала смотреть в ее душу, изредка прерываясь на мысли о своих глазах и некой в них силе, что может сила эта есть в каждом, но каждый не хочет видеть ее в себе. Маленькая незаметная слеза скатилась по щеке – капельки, очищающие душу Айяй вновь и вновь.

«Я больше ее не увижу».

Глава 7

Быть с собой и никого не замечать. В потоке мыслей собственных гулять или раствориться все в одно. Не думать ни о чем. Дышать и с каждым вдохом быть единой, в дыхании своём исчезнуть. Гертруда исчезала. Каждый день она уединялась с природой и каждый день ей хотелось ещё большего уединения. Она ходила в розовые сады и в лабиринты роз, ходила к реке и к озеру, ходила везде, где было мало людей и только природа. Она не появлялась на самих источниках, там были господа, что пили воду для своих желудков и трепетно обсуждали здоровье, последние новости, других господ, что не присутствовали при обсуждениях. Иногда наблюдая за ними, Гертруда невольно сравнивала людей с цветами, но все ее сравнения исчезали, когда до ее ушей доносились обрывки фраз, слова и упреки, которые человеческие уста произносили с легкостью, ужимки тела и лукавые улыбки. В миг наблюдений за розами: цветок, лепесток, стебель, шипы, - она могла ощущать всей душой любовь к людям, но лишь глядя на цветы, пока она не научилась принимать их всецело и видеть то чистое зерно, сидящее в каждом. К слову, может ей и не хотелось этого. Труды снова рвалась в бой к кустарникам роз, она вновь искала у них утешения сама не зная от чего.

В один из таких дней Гертруда сидела в розовом саду на белоснежной лавочке, по бокам от нее были кусты бордовых роз, позади неё были кусты розовых роз, прямо перед ней были кусты белых роз. Она читала. Летали пчёлки и трудились, было утро. Труды подняла голову и на неё неслись огнегriвые облака львов, улыбаясь и рыча они излучали целое полчище лучей, её друзей, которые смеялись так, как никто на свете смеяться не мог и только Труды могла слышать их смех даже в дождливый день, даже в серый день. Она улыбнулась им в ответ и перевела взгляд на розы:

«Я - этот бутончик маленькой розы на огромном кусте из роз. Со своими желаниями и со своими потребностями к свету. Только этот бутончик он счастливее меня? Потому он не думает о своём счастье, он есть бутончик розы, а может и того не ведает. Я спрашиваю о счастье, а не это ли самая огромная наша ложь. Счастье...Счастье...Счастье испытывают душой. И вот, что я думаю, душа всегда его испытывает, а я человек, я Труды ищу счастье. Ищу его в прохожих, ищу в мечтах своих или чужих, ищу его в цветах и нахожу, правда не своё, а его собственное или правильное сказать всеобщее. Вот отчего привлекают меня цветы. Цветы – это всеобщее, вселенское счастье. Этот бутончик розы является счастьем, возможно, что он не знает себя, как бутон, но он знает счастье. Он есть счастье, он есть любовь, он есть сама Вселенная, есть Бог. А я думаю о себе и знаю себя всего лишь как человека. Я говорю о себе как о

человеке, мечтаю как человек и даже иногда заморозив взглядываясь в этот бутончик или в свой лучик или же в небо – я остаюсь человек, что не испытывает себя, а думает и говорит»

Труди снова погрузилась в книгу и окружающий мир для нее начал исчезать, сначала пропадали краски рядом, затем умирали звуки, иногда сильный звук или врезающаяся в лоб бабочка могли вернуть её в мир жизни, но затем она всё глубже и глубже погружалась в книгу, очутившись там рядом с главными героями и переживая все то, что было для них написано. Проходило короткое время и Гертруда уже не была с пчёлками, цветами и бабочками, она была в буквах и строках, испытывая на себе всё то, что желал бы писатель, чтобы испытали его читатели. Бывало она прочтёт столь ужасное или, наоборот, восхитительное, поднимет глаза от книги и долго смотрит вдаль, возвращаясь к своему миру растений, неба и блужданию разума, осмысливая прочитанное.

Но в этот раз Гертруда глубоко утонула в новом романе и жила мыслями главных героев, испытывала их же чувства внутри себя и не успела заметить, как некий персонаж напротив её лавочки сидел и наблюдал за ней с присущей ему таинственностью. Между их лавочками был небольшой круглый фонтан, который бил еле слабую и еле живую струю не более полуметра. Брызги от него иногда закрывали наблюдателю черты лица Гертруды, от того он часто двигал головой, как змея под дудку, а точнее змей. Труди подняла глаза.

Она смотрела вдаль и была ещё глубоко в книге. Её взгляд обратился к белой лавочке напротив и почудилось, что кто-то чужой наблюдает за ней, но она никого не могла заметить за белым льняным костюмом. Тогда посидев с пол часа и, наблюдая за розами и шмелями, Гертруда резко встала и вышла из розового сада. Человек в белом льняном костюме остался сидеть, как статуя, проводив глазами объект своих наблюдений.

Труди и в голову не могло прийти, что кто-то наблюдал за ней, когда в голове ещё бушевал диалог героев романа.

«На моём дне рождения в сиреновом саду...», - повторила она в мыслях, остановилась, оглянулась в сторону розового сада и мгновенно побежала туда. На двух белых лавочках Гертруда никого не обнаружила. Абсолютно пустые и невинные белоснежные лебеди, она заглядывала под них, за них и около них, но никого не обнаружила. Труди бегала в другую сторону от сада и возле сада по аллее, но ни одной живой души. Н и к о г о.

«Это было видение или что? Я опять его упустила... Кто ходит за мной по пятам? Кто смотрит на меня и я его не вижу. Кто только изредка шумит, показывая своё присутствие, а затем беззвучно исчезает?! Как же мне тебя поймать?».

- Как мне тебя поймать?!, - сказала она вслух и довольно громко

Труди ещё раз оглянулась по сторонам и отправилась в

номер, всю дорогу она прокручивала в голове кто же это мог быть: *«человек или плот моих фантазий, кто-то мифический или пустой обитатель»*, а через час уже и не помнила об этой истории. Теоретически она, конечно, помнила её, точно также, как и с днём её рождения, на подкорках памяти, однако не прокручивала ее в голове как и не было силуэта в белом костюме на белой лавочке. Идея бабушки определённо оправдалась для Гертруды, впервые она так долго не видела никого из родных и не испытывала грусти или скуки. Каждый ее день составлял прогулки с собой, особенно полюбившиеся вечерние походы, когда наступают легкие сумерки перетекающие в теплый вечер, когда поют цикады и тут и там слышны смешки и шепотки, тогда Гертруда находила самое укромное место, закрывала глаза или поднимала голову к звездам и просто слушала все, что было в эту секунду вокруг нее. В этот момент она испытывала полное счастье без ощущений принадлежности к статусу дочери, сестры, внучки или энных, появившихся, таких как поиск избранника жизни. Она проваливалась в свой собственный выстроенный мир. Зачем в принципе нам думать о будущем? Мы полагаем, что думая о будущем или мечтая о нём мы приближаем его к себе, на самом же деле строим параллельную иллюзорную реальность, где нам бы хотелось...

Труди уже давно построила себе такую реальность. В этой реальности она одна: жила одна, гуляла одна и не имела надобности нуждаться в ком-то. Планета цветов, запахов и

природных явлений. В этой реальности ничто не могло посягнуть на нее и ни на что не могла посягнуть она, все возникало само по себе и уходило переставая быть. Жизнь в гармонии. Сейчас она гуляла в этой реальности и чем глубже погружалась в неё, тем более ощущала небывалую свободу духа. Она чувствовала как её тело растворяется в пространстве, расщепляется на маленькие волокна и летит в общий водоворот событий. Сначала пропадало ощущение рук и ног, затем носа и лица, далее всего тела. Так глубоко Гертруда попала в него впервые, но ей казалось, что она же здесь бывала и не один раз. Ещё ребёнком она часто представляла, что та жизнь которой она живет сон, но когда ложится спать, то где-то обязательно просыпается, где идёт её настоящая жизнь, она всячески пыталась запоминать процесс засыпания, но ей этого не удавалось, вместо этого она видела смешные и светлые сны. И вот сейчас, в этот момент, Трудя чувствовала, что она находится в том самом настоящем месте, настоящей жизни, куда так стремилась в детстве, что так давно искала. Она глубоко вздохнула и наслаждалась моментом.

Глава 8

День начался обычно, за исключением выглянувшего солнца. Последние два дня лил нескончаемый дождь. Гертруда дождя не боится, а даже любит. Она брала трость в холле пансионата, надевала резиновые сапоги, которые ей одолжил новоиспечённый друг садовник, что неудивительно для Труды, она всегда радовалась и находила дружбу с людьми дела больше, чем со знатным обществом, считая первых искреннее и поглощенных жизнью, чем притворных вторых. И шла гулять. Гуляла Труды не так долго, но ликование того, что на улице не было ни единой души, переполняло её через край, удовольствие ее выливалось из чаши сердца и текло рекой вокруг нее. В один из таких дождливых дней, она снова увидела странную фигуру. Идя по узкому лабиринту из кустов, некий в зелёном плаще проскользнул впереди неё ни с того ни с сего. Труды прибавила шаг, завернула за угол и снова никого. Неприятное ощущение, что за ней наблюдают поселилось не только внутри, но и вокруг нее. Она разозлилась не на шутку, тут же сложив все данно из уравнения, встала в воинствующую позу и громко сказала: *«Эти игры не по мне!»*. Сама не зная, кому она так угрожает, развернулась и быстрым шагом удалилась в пансионату. Этот случай не выходил у неё из головы. И в первый солнечный день после дождей Труды так обрадовалась свету, но настороженно

выглянув на улицу села в раздумьях на софу, подглядывая в мир через тюль.

«Что за странное чувство поселилось у меня в груди. Я... как будто бы боюсь выходить на улицу. И что за ощущение невидимого наблюдателя. Возможно, это от длительной изоляции. Я ни с кем тут не общаюсь. Сегодня же надо с кем-то познакомиться. Человек – социальное существо, от того мне видимо необходимо иногда с кем-либо да перебраться парой фраз». Заряженная внутренним наставлением смелая Гертруда вышла из своего номера и отправилась гулять, пообещав себе, что первый же кто ей понравится будет вынужден общаться с ней весь день и вечер. На беду или же на счастье ей совершенно никто не нравился и даже взглядом не зацепиться. Она бешено искала в густой серой массе хоть какой-то блеск и свет, хоть какой-то, но всё было тщетно. Уставшая от самой себя и своих идей Труды была и в цветочном лабиринте и у фонтана с розами, у пруда в тенистом лесу и в розовом саду – не было никого, абсолютно никого, кто привлёк бы её внимание, наоборот, они все лишь отталкивали её.

«Что ж...Может это все я? И своим настроем отталкиваю людей произвольно вижу всех в сером свете...Несчастные, несчастные или...несчастливая, несчастная я, ой, что это я? Жалею себя? а как смешно. Нееет уж, Гертруда, надо с кем-то завести разговор. Бывает же такое, когда долго не разговариваешь с людьми, то можно

*и вовсе забыть, как звуки издавать». Размышления Труды перебил невыносимый блеск, слепящий глаза, она бросила на землю камушек, который крутила в руках подняла голову и замерла. Перед ней был юноша. Его волосы были настолько светлы, что казалось он седой. Костюм, надетый на нём отдавал серебром и было ощущение, что он звезда, упавшая с неба и приземлившаяся в саду пансионата. На лацканах его пиджака были вышиты цветы хенополиса, что не сразу бросилось ей в глаза. Она стояла и молча взирала на него, очень медленно к её пониманию доходил факт, что с юношей они знакомы: *«Это же он был на моём балу... Это же он разговаривал с Гансом. Абсолютно точно он, только отныне он не бежит, а молча стоит и улыбается. Станный такой. Это же он был всё время рядом и наблюдал за мной. Но для чего? И почему я заметила его только сейчас»**

- Отчего же Вы не убегаете?,- язвительно заметила Гертруда, ей показалось, что всяческая фамильярность в отношении молодого человека лишняя, она была абсолютно уверена, что именно он наблюдал за ней все эти месяцы.

- Отчего же Вы не проходите мимо?,- ответил юноша. Гертруда ещё более встала в стопор, чем была прежде.

- Что Вы сказали?

- Я сказал,- отчетливо произносил он каждое слово,- ранее Вы имели предрасположенность убегать от наших встреч. Сейчас же вы стоите напротив меня и уверенно смотрите на меня, взираете, разглядываете и даже разговариваете,- голос

его был слишком мягок. Он хотел показаться ей учтивым, однако, всего одна капля стали в голосе уже говорила о его надменном характере.

«*Вот же наглец*», - пронеслось у Труды в голове. Как пронеслось, так и заинтриговало ее дальше.

- Вы знаете кто я?

- Отчего же не знать...я бывал приглашён на ваш красивый бал, правда, люди бывавшие на том балу не впечатлили меня, также, как и Вас...

- Верно! Скучные до потери сознания, - улыбнулась Труды, юноша качнул головой в знак согласия, - Так как моё имя?

- Гертруда.

- Отчего я не знаю Вас?

- Знаете и очень даже хорошо, Вы давно меня не видели, Гертруда. Моё имя Амберсон.

- Амберсон! Амберсон, ну конечно же, Вы брат Клары и Гэби. Я так и подумала на балу. Вы ещё с братцем моим общались. И...,- Труды немного замешкалась, неловко и неверно было ей спрашивать молодого человека что он тут делает, однако, в её маленькой головке проскочило «*почему бы и нет*» и моментально вылетело, - И что вы здесь делаете, Амберсон?

- Полагаю тоже, что и вы, Гертруда. Отдыхаю от суетности мира, которой и здесь прилично, - в конце фразы молодой Амберсон немного улыбнулся, задумчивой и тихой улыбкой и быстро вернулся к своему не менее задумчивому взгляду.

- Ах, вот оно что,- только смогла произнести Труды. Она почувствовала как сильно он ее заинтересовал. В ней проскочило чувство незнакомое ей ранее. Чувство, что кто-то, кроме нее, может быть интересным в этом мире.

Гертруда была приятно удивлена встрече с некогда знакомым ей человеком, но не знакомым так, как она узнавала его сейчас из простой беседы. Последний раз она видела Амберсона так давно, что кажется тогда они ещё играли в ишпрушки. От того, она и представить не могла, что из маленького, худощавого, до неприличия белокурого мальчика вырастит такой взрослый юноша с захватывающей внешностью, отчасти дьявольской, да и игрушки приобрели иную форму. О чём с ним беседовать, также, никак не приходило ей в голову. Она смотрела на него озарёнными глазами, как на ангела, только что спустившегося с небес и сообщившего ей благую весть. Совсем позабыв, что она какая-то там Гертруда. Мысли её по поводу её существования ушли так далеко, что она не сразу поняла, как молодой Амберсон рассказывает ей как давно он в пансионате и когда он обнаружил её. Она всё смотрела на него, невинно улыбаясь и покачивая головой, что можно было бы запросто сказать, что сейчас она не Гертруда и не Труды, а никто иной, как кукла с шарнирами, без мыслей, без эмоций, только с глупенькой и миленькой улыбкой на лице, слушающая своего хозяина.

Амберсон прекрасно видел настрой Гертруды и это понимание являлось для него слаще меда, он чувствовал прият-

ную дрожь от одной мысли, что Гертруда им заинтересовалась, она не могла бы скрыть это от него. От того он старался говорить, как можно больше, выкладывая в свой разговор абсолютно все последние новости, которые успел услышать накануне. Он никогда не обладал сильной болтливостью и, наоборот, считал это одним из грехов. В данной ситуации он не мог оторваться от другого греха под названием самолюбие. Ведь ему очень льстило, что ещё совсем юная Гертруда смотрит на него, как на пришедшее божество, хоть в нем присутствовала обратная этому сторона. Внутри него загорались все возможные огоньки величия мужчины перед женщиной. И он стоял, сиял на пьедестале у Гертруды.

Семья Амберсона соседи семьи Гертруды через лес. Отец его, также, как и отец Гертруды занимался промышленностью, немного благотворительностью и львиную долю своего драгоценного времени обмывал кости другим энным. Семья со своими богатствами, достоинствами и тайнами в шкафу, ведь как известно все семьи разные – все семьи одинаковы.

Амберсон был третьим мальчиком в семье после двух своих братьев близнецов. Следом за ним родились еще близняшки, девочки Клара и Гэби (Гэм). Амберсон был чем-то вроде золотой середины между близнецами или непонятным явлением для своих родителей. Он был самым умным ребенком в семье, а возможно даже самым умным членом этой семьи, однако, это не приносило ему чести в глазах близких.

Братья близнецы были старше его на десять с небольшим лет и когда Амберсону исполнилось девять близнецы начали военную карьеру, что явилось основанием высочайшей гордости у отца и матери. Клара и Гэби, имевшие с Амберсоном разницу в три года, были любимицами отца и напыщенного восхищения матери. А вот заумные беседы Амберсона приводили всех в уныние и тоску. Можно было бы сказать, что маленький Амберсон с детства чувствовал себя одиноким, несчастным и потерянным ребёнком, но это было не так. Вся его сила была в одиночестве, с книгой в руках и мольбертом под боком. Мольберт стал для него признаком цвета, весь мир, окрашенный в черно-белый, но занятия с учителями по художеству с малых лет показали ему цвет, не в прямом его виде. Амберсон научился подбирать цвета, дабы люди окружающие его не смели и подумать о дефектах, что он испытывал. Изучал природу, читал много книг о растениях и цветах, изучал историю, философию и с возрастом его интересы только росли, не имея шанса остановиться, поглощая все, как черная дыра, углубляясь в пучину недоброго. Предметом насмешок для себя находил свою семью, закрываясь в комнате после ужина пародировал каждого из членов семьи с трудом сдерживая смех. Честолюбив и аккуратен настолько, что с четырех лет не имел няни, так как те просто не выдерживали его педантичности и уходили одна за другой. При всём при этом Амберсон обладал чувством филантропии и видя человеческие страдания, в любом их виде,

не мог устоять и не помочь нуждающемуся. Считал, что каждый человек нуждается в наслаждениях, из них состоит суть человеческого существа и каждый имеет свои к ним пути.

Когда мальчику исполнилось шестнадцать лет родители, не скрывая своего желания избавиться от сына, решили отправить его в академию, из которой он не смог бы вернуться на каникулы, предположим в тридесатое королевство: за морями, за лугами, за озерами и реками. К счастью желание Амберсона и родителей совпадали в этом вопросе. В академии Амберсона ценил не только профессорский состав, но и его одноклассники, считающие его лидером во всех их начинаниях. Часто на летние каникулы к нему приезжал Ганс, который благоволил Амберсону, ступая по его следам. Ребята слушали каждое его слово и Амберсон это прекрасно понимал, используя в своих целях. Добившись успеха в академии, экстерном сдав предметы, самостоятельно принял решения вернуться домой и записался на военную службу, решив испытать себя и в военной отрасли, восхищаясь отнюдь не своими братьями, а перепиской с Капитаном, который бывал на балу у Гертруды и был вхож в ее семью.

Вернувшись домой, Амберсон часто гулял по лесу, особенно в сумерках после заката или перед рассветом, когда все замерало в блаженной тишине и где-то притаилось или губительное зло или нечеловеческое блаженство Ганс испытывал особенное наслаждение для себя, это он называл своей страстью к существу. Именно в таких сумеречных прогулках

он впервые увидел свою необычную соседку с другой стороны. Доходя до дома своего друга Ганса он раз за разом наблюдал как Гертруда то ловит звезды, то гуляет по росистому лугу, то бежит в полуприсяд от Беллы. На балу в честь ее взросления Амберсон хотел лучше узнать Гертруда, но она постоянно исчезала из поля его внимания. И как заликовало его «страсть к жизни», когда он столкнулся с ней в пансионате, где был вынужден приглядывать за сестрами сторожевым псом: «*Хоть какая от тебя польза*», - прямо сказал ему отец.

И вот неоднозначный персонаж Амберсон встал перед Гертрудой, чтобы та его заметила.

Глава 9

Начало цветения всегда подразумевает радость. Не может виток, дающий новую жизнь являться грустью. То, что приносит печаль должно и называться началом конца. Но как найти тонкую грань между началом цветения и началом конца.

Амберсон ждал более четверти часа свою спутницу, ожидание чего-либо или кого-либо не входило в его планы. Накануне они договорился с Гертрудой пойти на вечернее мероприятие, что давалось на открытой сцене. Это было бы первое посещение общества Гертрудой с молодым человеком не из семьи. Амберсон нервно смотрел на часы, испытывая то смущение, то злость. Лицо его заливалось багровой краской и лиловый костюм становился уже настоящей кожей. Неловкость ситуации подпитывал и управляющий Бальмо, что ненароком бросал молодому человеку подмигивания из-под хитрой улыбки. Злость на Гертруду и себя возрастала с каждой секундой ожидания. В последний раз он взглянул на часы и собирался выйти на улицу как увидел порхающего мотылька из лифта. Она непринужденно разговаривала с посыльным и даже не думала торопиться к нему на встречу. Это еще сильнее задело его чувства, он пылал от ненависти в данную секунду, не зная, как совладать с этим - решил про-

молчать (наверное впервые для себя). Гертруда, столкнувшись с ним взглядом и, также как и он залилась краской, боясь, что кто-то это заметит. Посыльный, конечно, все понял и невольно позволил себе подтолкнуть молодую особу в сторону спутника и поддавшись толчку она плавно пустилась к молодому человеку.

Лишь поздоровавшись друг с другом молчание повисло между ними вплоть до окончания вечера. Если это было свидание, то весьма неудачное, отчасти по вине Амберсона, его штормило от смущение к злости. И тишина любимая Гертрудой стало ее давить: *«Отчего он так суров или я просто навязываю себе эти мысли. Он молчит. Лицо его, как камень. И все же мальчишка. Суровый мальчишка. Что-то в нем так не хватает».*

Чистейший сосуд - Гертруда, ее нежные и не окрепшие лепестки не могли знать, что творится в душе искушенного молодого человека, она не могла угадать предпосылок его поведения. До сих пор спутниками ее жизни были отец да брат (если можно их назвать спутниками), но конечно, истинным спутником ее души был Луч, приходящий к ней в солнечный день и в дождливый сон. Она могла увидеть его везде, а был он настоящим или выдуманных не нам решать, ибо что есть настоящее, а что выдуманное?! Но кое-что свое настоящее Гертруда успела узреть – это беспокойствие души, с ней сейчас она была не в ладах. Влюбленность в Амберсона захватила ее всю и казалось бы, но не было ощущения легкости

жизни, на место чего пришли терзания о другом человеке, о его мыслях и желаниях. Если бы она только могла знать всю коварность влюбленности, то уделила бы больше внимания концерту скрипки, нежели переживаниям о выражении его лица, а может и сама скрипка с ее волнующими душу струнами стали причиной ее влюбленности. Как сложно разобрать тонкую грань наших чувств. Для Гертруды этот урок только наступил от летящий красоты до полного уродства.

Тем не менее и в сердце Амберсона что-то да происходило. Ситуация его ощущений, казавшаяся ему абсолютно нелепой не давала бросить невыносимый объект тревожности и уйти. Что будет дальше задавал он себе один вопрос. И впервые в жизни не находил ответ, он становился невольным садовником, распускающегося цветка. Цветение.

Гертруда распускалась от каждой их встречи, взгляда, улыбки. Нежным светом, дающим ей силы – была трепетность чувств к Амберсону отличного от остальных по ее мнению. А вот в заботливых руках садовника она мнимо ошибалась. Амберсон не собирался становиться таковым для нее, он и не подозревал, что для кого-то кем-то нужно становиться. А Гертруда фантазировала и задавалась вопросом о своей быстро вспыхнувшей любви: *«а не старшие ли жизни она?»*.

Голову ее атаковала саранча мыслей, было потеряно ощущения детства и беззаботности, но было чувство непревзойдённой легкости. Еще немного и она взлетит, будет парить над землей, летать в этом совершенном для себя событии.

Курьезность ощущений по большей части, как завершающей каплей, привнес нелепый поцелуй Амберсона. Проводя Гертруду после очередного концерта он соблюдал все условия воспитания его статуса, однако сад роз, ставший причиной их общения повлиял на него не самым спокойным образом. Теплый вечер, заигрывающий ветер, звуки лета... и на него нахлынули те самые чувства, странные и непреодолимые, когда он впервые увидел здесь Гертруду в своем собственном мире. Не успев отдать себе отчет, он резко обнял Гертруду за талию, быстро притянул к себе мгновенно ощутив дыхание ее носа на своем подбородке и здесь он еще подумал: *«а стоит ли»*, а после почувствовал ее губы. После этого молниеносного для себя события он смог лишь принести извинения, но руку ее не отпустил. Гертруда не знала как себя вести, но случившемуся не противилась. Оставшуюся часть пути до ее номера они пребывали в молчание.

Распрощавшись в пожеланиях доброй ночи друг другу, Гертруда тихо закрыла дверь и, прислонясь к ней, слушала его отдаляющиеся, немного уставшие шаги. Она чувствовала сегодня ей не уснуть, она будет всю ночь думать об этом или не думать вовсе, но волей-неволей возвращаться к его поцелую. Нащупав на ощупь луну, села на пол и взирала в пространство, абсолютно ничего не различая, кроме тонкой лунной дорожки пробирающегося к ее ногам.

«Стала ли я взрослее от этого? Это ли имела в виду Белла, рассказывая о чувствах... Почему я испытываю эту воз-

буржуазность, это ощущение ожидания или желание уединиться от всего мира. Я не мечтала об этом, не фантазировала это, но тень его поцелуя стоит рядом застывшим мгновением. Вновь почувствовать — вот, что теперь желаю»

Гертруда была настолько воодушевлена этим чувством и теперь ничто не казалось ей таким же желанным и нежным, как Амберсон и его поцелуй. Она забыла и про приходящий к ней луч и про Айяй, теперь она была уверена, что он тот самый таинственный наблюдатель тайком выжидающий момент. И вот теперь он рядом, он проявлен. Новыми красками зажглась ее жизнь, может это то о чем щебетала Белла, а может то, что вспоминала мама о встрече с папой. Внутри нее распустился бутон ее чувств, ее надежд, ее женственности и ее ласки. Без колючек, без шипов. Еще нежный и невинный. Глупо и ошибочно казалось ей, что именно Амберсон собирается поливать этот бутон, защищая от ветров, бурь и несчастий.

Поцеловав Гертруду Амберсон плетясь ногами лишь говорил себе *«Дурак, как можно не сдержаться, она...сестра Ганса и она ребенок, но что так манит в ней»*. Бросив все той же ночью он отбыл в соседнее поместье хорошего приятеля, оставив для нее записку о необходимости уехать и о желании скорейшего возвращения, последнее написано лишь под воздействием воспитания и недавней наглости. Сам Амберсон размышлял и снова не мог ответить себе захочет ли

он вернуться в пансионат. Все, что касалось так или иначе Гертруды он не мог ответить с присущей ему точностью. Но может быть и так, раскопать истинные желания не так уж просто, куда понятнее привычное поведение на привычные инстинкты.

В поместье он не сомкнул глаз, сидя в саду наблюдал за звездами, предавался мечтам и пытался понять, что побудило его на этот резкий шаг общения с ней, нелепого поцелуя, который оставил в нем куда больший рубец и страх. Всегда сдержан, всегда холоден к чувствам. Он не отрицал себе в том, что Гертруда давно тронула его, его сердце? Она не походила ни на одну знакомую девушку. Слишком легка, что до безумия сложна. Непосредственна к жизни, и это ее общение со всем живым вводило его в потрясение. Как легко при ней он мог наблюдать за этим и на свое удивление восхищаться, и как шокирующе казалось ему это наедине с собой. Мысли уводили его все дальше, он и не заметил как пронеслась ночь, стало светать и где-то на горизонте просыпалось солнце, Амберсон лег на землю и забылся сном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.